

Лу Гэ распахнул дверь и, едва успев переступить порог, замер — он мгновенно почувствовал чужое присутствие.

— Тц, — он раздражённо нахмурился и, отступив на шаг, прикрыл за собой дверь.

Весь день его донимала толпа шумных бездельников, и сейчас он был чертовски измотан. Какому идиоту пришло в голову провоцировать его именно сегодня?

Мужчина огляделся, но коридор был пуст: дежурный администратор куда-то запропастился, не оставив после себя и следа.

«Не везёт, так не везёт», — выругался он про себя и вновь приложил карту к замку. Если внутри кто-то есть, он вышвырнет наглеца собственноручно.

Войдя в номер, Лу Гэ не стал включать свет, опасаясь увидеть какое-нибудь тошнотворное зрелище. В слабом лунном сиянии, пробивавшемся сквозь окна, он разглядел на кровати вытянутый силуэт. Незнакомец лежал на боку прямо поверх белоснежного покрывала. Его лопатки, точно крылья бабочки, отчётливо проступали сквозь одежду, мерно поднимаясь и опускаясь в такт дыханию.

Имя Сюй Чицю уже вылетело у него из головы, но, едва завидев этот хрупкий силуэт, он мгновенно сопоставил его с тем болезненным юношей, который вечно кашлял в объятиях Цинь Яня.

Дыхание незваного гостя было прерывистым, из его груди вырывались надрывные, едва слышные стоны. Пиджак был распахнут, хотя остальная одежда всё ещё оставалась в относительном порядке.

— Эй, — холодно бросил Лу Гэ, не удержавшись от привычной колкости. — Ты ошибся кроватью. Постель Цинь Яня за стенкой.

Юноша не ответил.

Только тогда хозяин комнаты заметил, что состояние парня далеко от нормы: тот явно пребывал в беспамятстве и не слышал ни слова. Он подошёл ближе и брезгливо окинул его взглядом.

Лицо Сюй Чицю пылало нездоровым румянцем. На этой вечно бледной, измождённой коже впервые проступила жизнь — странная, лихорадочная сила, точно само пламя сжигало его изнутри. В этом зрелище сквозила какая-то пугающая, разрушительная красота.

Лу Гэ сразу понял: парня опоили. И, судя по всему, тот, кто это сделал, сам же и приволок его сюда.

— Ну и ну, — тяжело вздохнул мужчина. — Могли бы хоть поинтересоваться, какой тип мне по вкусу.

Притащить в его постель такой «набор костей»... на кого это вообще рассчитано?

Предпочтения Лу Гэ в их кругу никогда не были тайной. Он был удивительно постоянен в своих вкусах: ему нравились партнёры со светлой кожей, не слишком высокие и не истощённые, с мягкими, пушистыми волосами и чистым, звонким голосом. Их глаза должны были быть настолько ясными, чтобы в них можно было увидеть собственное отражение... И, что немаловажно, характер должен был быть кротким, а душа — доброй.

Многие, услышав об этом идеале, недоумевали: неужели Лу Гэ подменили? Никто не мог и представить, что этот человек с ядовитым языком и скверным нравом мечтает о ком-то столь возвышенном — совершенной противоположности самому себе.

Ради его расположения многие пытались подсовывать ему юношей и девушек, чей облик был воплощением невинности: в белоснежных одеждах и с самым естественным макияжем. Но тот не удостоил взглядом ни одного из них. Окружающие считали его чрезмерно привередливым, а кто-то иронизировал: «Тебе нужна не чета, а небесная дева».

Описание его идеала и впрямь казалось чем-то эфемерным, почти сказочным. Существовали ли такие «святые» в реальности — вопрос открытый, но тот, кто сейчас лежал на кровати, был бесконечно далёк от совершенства. Из всего списка требований парень соответствовал разве что пункту о белизне кожи.

— Слышишь, из семьи Сюй? — Лу Гэ шагнул к кровати, бесцеремонно схватил юношу за воротник и рывком заставил сесть. — Молодой господин Сюй, у тебя два варианта.

— Первый: я вышвыриваю тебя в коридор. Второй: я выбрасываю тебя за борт на корм рыбам. Выбирай.

Он подождал пару секунд и, не дождавшись ответа, буднично подытожил:

— Молчишь — значит, выбираешь море.

Одним движением он стащил его с кровати. Хрупкое тело Сюй Чицю повалилось на пол, но из-за своей пугающей лёгкости не издало почти ни звука. Лу Гэ, удерживая его одной рукой, другой распахнул окно. В комнату мгновенно ворвался прохладный морской бриз.

Впрочем, прямо под окнами была палуба и переборки кают, а вовсе не океан. Если выбросить

парня сейчас, тот лишь расшибёт голову о металл.

Мужчина с силой прижал лицо Цзи Мяня к открытому окну. Влажная прохлада немного протрезвила сознание, и юноша с трудом разомкнул веки.

Он несколько раз надсадно кашлянул. Из-за действия препарата в лёгких словно бушевал пожар. Губы Сюй Чицю пересохли, и он непроизвольно облизнул их кончиком языка. От этого жеста его рот впервые стал казаться вызывающе ярким.

Механический голос в голове продолжал настойчиво требовать сохранять ясность мысли, но Цзи Мяню было не до упрёков. Его разум тонул в зыбком океане галлюцинаций, и любая попытка сосредоточиться стоила невероятных усилий. У него не было сил гадать, как он оказался в номере Лу Гэ — всё его мужество уходило на то, чтобы удержать хрупкую оболочку «Сюй Чицю» от окончательного распада.

Он до боли прикусил кончик языка. Резкая вспышка боли на миг вернула ему подобие контроля.

— Господин Лу, — хрипло выдавил он, устремив на мужчину взгляд своих абсолютно чёрных глаз. Он изо всех сил старался звучать спокойно.

Лу Гэ смотрел в лицо юноши, находящееся совсем рядом. Тот был в отчаянном положении, на самом краю, но всё ещё цеплялся за остатки своей бесполезной гордости, лишь бы не выказывать слабости. Эта нелепая гордость служила ему тонкой, почти прозрачной бронёй.

Даже в таком состоянии Сюй Чицю отчаянно пытался сохранить достоинство. И этот вид внезапно раззадорил дурные наклонности Лу Гэ.

Он разжал руку, с интересом наблюдая за реакцией:

— Раз уж ты очнулся, не соизволишь ли убраться вон?

— ... — Цзи Мянь и сам мечтал покинуть это место.

Но у него не осталось сил даже на то, чтобы стоять прямо. Уйти самому — значило выползти отсюда на четвереньках. Он едва заметно усмехнулся, подавляя волну обжигающего стыда:

— Господин Лу, у меня нет сил на такие подвиги.

На лице Лу Гэ расцвела торжествующая, полная издёвки улыбка, и он решил проявить «милосердие». Его рука вновь мёртвой хваткой сцепилась в пиджак Цзи Мяня.

Вытащив парня в коридор, мужчина не спешил его отпускать. Он перевёл взгляд на дверь напротив, решив довести дело до конца. Поймав патрулирующего коридор администратора, он приказал:

— Открой номер Цинь Яня.

Сотрудник опешил и, заикаясь, пролепетал:

— Но... это... я не могу...

Лу Гэ отчеканил лишь два слова:

— Открывай. Живо.

Спорить с ним здесь никто не решался.

Мысли в голове Цзи Мяня ворочались медленно, и он не сразу понял, что задумал этот человек. Ровно до того момента, пока Лу Гэ не склонился к его уху и не прошептал своим ленивым, издевательским тоном:

— Ты ведь сохнешь по Цинь Яню? Помогу тебе добраться до его постели. Сервис «всё включено».

Цзи Мянь замер от шока:

— Ты...

— Не благодари.

— ... — Румянец на лице Цзи Мяня и не думал спадать, но затуманенные глаза внезапно стали ледяными. — Руки убрал.

Лу Гэ усмехнулся:

— Я ведь о тебе забочусь.

И в этих словах была доля правды. На борту лайнера не было противоядия от такого состава, и Цзи Мяню в любом случае пришлось бы искать способ унять этот жар. Мужчина был единственным вариантом, учитывая, что бедолага едва стоял на ногах. И Цинь Янь казался лучшим кандидатом на эту роль.

— Или что, Цинь Янь на тебя даже не смотрит? — Лу Гэ оценивающе оглядел его фигуру. — Слишком костлявый. Будь я на его месте, даже будь ты той самой небесной девой, мне бы такой кусок в горло не полез.

Цзи Мяннь тяжело, с хрипом выдохнул и процедил сквозь зубы, чеканя каждое слово:

— Я сказал. Руки. Убрал.

Его взгляд стал пугающе холодным, точно у разъярённой гадюки. Маска болезненной кротости, которую он носил весь прошлый день, наконец была сорвана.

Лу Гэ с интересом присмотрелся к нему. Лицо Цзи Мяннь стало ещё краснее, но теперь причиной был не яд, а ярость. Его грудь тяжело вздымалась, кожа на шее стала пунцовой — наверняка обжигала при малейшем касании. Выпирающие вены на пылающей коже создавали странный, пугающий контраст, который, на удивление, казался почти гармоничным.

Он вдруг засомневался, доживёт ли этот парень в таком состоянии до утра. Мужчина разжал пальцы.

Лишившись опоры, Цзи Мяннь тут же пошатнулся, но успел привалиться плечом к стене. Действие препарата достигло пика, ноги его дрожали, но он не позволил себе рухнуть прямо посреди коридора. Кое-как добравшись до своей двери, он непослушными, почти онемевшими пальцами выудил из кармана карту и приложил её к замку.

Раздался щелчок, дверь тихо закрылась — у Цзи Мяннь не осталось сил даже на то, чтобы хлопнуть ею.

Лу Гэ безразлично отвернулся и обратился к застывшему в недоумении администратору:

— У меня в номере бельё испачкано.

Тот замялся на пару секунд.

— Простите, господин, я немедленно распоряжусь о замене.